

DOI: 10.12731/3033-5981-2025-17-3-525 EDN: KDEJYA
УДК 101.8(41)

Научная статья | Русский язык. Языки народов России

АНАЛИЗ ТОПОНИМИИ МОРДОВСКОГО СЕЛА ТЕШНЯРЬ ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ В КОНТЕКСТЕ ЯЗЫКОВОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ТЕШНЯРЬСКОГО ГОВОРА

Н.В. Беленов

Аннотация

Обоснование. В статье представлен лексико-семантический анализ топонимии мордовского села Тешнярь Сосновоборского района Пензенской области и его окрестностей. Относительно тешнярьского говора в науке нет единого мнения: является ли он эрзянским, или смешанным, эрзянско-мокшанским, элементы какого из мордовских языков в нём преобладают и т.д. Исследование топонимии села представит в распоряжение лингвистов новые факты для прояснения данного вопроса, так как в эрзянской и мокшанской топонимии, помимо общемордовских, присутствуют чёткие этноязыковые маркеры.

Цель – выявить основные особенности топонимии с. Тешнярь и его окрестностей, соотнести их с мокшанскими и эрзянскими характеристическими топонимными чертами, определить место данной топонимии в системе мордовских топонимических пространств Сосновоборского района Пензенской области.

Материалы и методы: полевые материалы автора, собранные во время экспедиции 2022 года в селе Тешнярь и в других мордовских населённых пунктах Сосновоборского района Пензенской области. В ходе исследования использовались элементы лексико-семантического и контрастивного анализа собранных топонимных и иных лексических единиц.

Результаты. В результате проведённого исследования можно сделать вывод о том, что данное топонимическое пространство, хотя и

включает некоторые мокшанские элементы, в целом обладает большинством характерных признаков эрзянских топонимических пространств. К таким чертам топонимии села Тешнярь относятся: эрзянская географическая лексика в составе топонимов, урбонимная система Ало пе – Вере пе, ряд характерных для эрзянских топонимических пространств географических названий.

Научная новизна: комплексное исследование топонимии села Тешнярь и его окрестностей предпринято впервые, в научный оборот введено 26 топонимных единиц.

Ключевые слова: топонимика; топонимная лексика; финно-угорские языки; мордва; мордовские языки; эрзя-мордовский язык; мокша-мордовский язык; Сосновоборский район; Тешнярь

Для цитирования. Беленов, Н. В. (2025). Анализ топонимии мордовского села Тешнярь Пензенской области в контексте языковой принадлежности тешнярьского говора. *Russian Social and Humanitarian Studies / Российские социогуманитарные исследования*, 17(3), 52–71.
<https://doi.org/10.12731/3033-5981-2025-17-3-525>

Original article | Russian Language. Languages of the Peoples of Russia

ANALYSIS OF THE TOPOONYMY OF THE MORDOVIAN VILLAGE OF TESHNYAR, PENZA REGION, IN THE CONTEXT OF THE LINGUISTIC AFFILIATION OF THE TESHNYAR DIALECT

N.V. Belenov

Abstract

Background. The article presents a lexical and semantic analysis of the toponymy of the Mordovian village Teshnyar in the Sosnovoborsky district of the Penza region and its environs. Regarding the Teshnyar dialect, there is no consensus in science: whether it is Erzya, or mixed, Erzya-Moksha, elements of which of the Mordovian languages prevail in it, etc. The study of the toponymy of the Teshnyar will provide researchers with new facts to

clarify this issue, since in the Erzya and Moksha toponymies, in addition to the overall Mordovian languages ones, there are indicative ethno-linguistic markers.

Purpose. To identify the main features of the toponymy of the village Teshnyar and its surroundings, to correlate them with the Moksha and Erzya characteristic toponymic features, to determine the place of this toponymy in the system of Mordovian toponymic spaces of the Sosnovoborsky district of the Penza region.

Materials and methods. The author's own field materials collected during the 2022 expedition in the village Teshnyar and in other Mordovian settlements of the Sosnovoborsky district of the Penza region. The study used elements of lexical-semantic and comparative analysis of the collected toponymic and other lexical units.

Results. As a result of the conducted research, it can be concluded that this toponymic space, although it includes some Moksha elements, as a whole has most of the characteristic features of the Erzya toponymic spaces. Such features of the toponymy of the village Teshnyar include: the Erzya geographical lexemes as part of place-names, the urban system of Alo pe – Vere pe, a number of place-names characteristic of the Erzya toponymic spaces.

Scientific novelty: a comprehensive study of the toponymy of the village of Teshnyar and its surroundings was undertaken for the first time, 26 place-names exemplars were introduced into scientific circulation.

Keywords: toponymy; geographical terminology; Mordva; Erzya-Mordovian language; Moksha-Mordovian language; Sosnovoborsky district; Penza region

For citation. Belenov, N. V. (2025). Analysis of the toponymy of the Mordovian village of Teshnyar, Penza Region, in the context of the linguistic affiliation of the Teshnyar dialect. *Russian Social and Humanitarian Studies*, 17(3), 52–71. <https://doi.org/10.12731/3033-5981-2025-17-3-525>

Введение

Село Тешнярь впервые упоминается в исторических документах в 1757 году. По местным данным, оно основано в конце XVII века. Мордовское население села считает себя эрзянами, а материалы

тешнярьского говора свидетельствуют о значительном влиянии на него мокшанского языка.

Длительный период своей истории село носило название Старый Тешнярь, поскольку другие населённые пункты, основанные на одноимённой реке, в том числе и русская Топоровка, также в разное время получали название Тешнярь. В настоящее время село Тешнярь практически слилось с райцентром Сосновоборском.

Мордовские говоры Пензенской области достаточно часто находились в фокусе внимания отечественных и зарубежных исследователей, что не в последнюю очередь обусловлено территориальной близостью региона к Республике Мордовия.

В последней четверти XIX в. этнографические исследования среди пензенской мордвы проводил известный финский учёный А.О. Хейкель, данные материалы впоследствии вошли в состав его знаменитого труда [21].

В мордовских сёлах на территории нынешней Пензенской области на рубеже XIX-XX веков работала экспедиция Х. Паасонена [22; 23; 24], материалы которой широко привлекал для своего исследования У. Харва [20]. Из этнографических работ также надо отметить статью М.Е. Евсевьевса о религиозных обрядах пензенской мордвы, материалы для которой собирались учёным в начале XX в., в том числе, в селе Тешнярь [5].

Особо надо отметить работу И.Г. Черапкина, в которой он описывает три выделяемых им мокшанских диалекта бывшей Пензенской губернии, территория бытования двух из которых ныне относится к Республике Мордовия, а ареал распространения третьего, спасского диалекта – к Пензенской области [19].

Многие особенности мордовских диалектов данной территории нашли отражение в общих и специальных работах, в большинстве которых отмечается высокая степень взаимопроникновения мокшанских и эрзянских элементов в местных говорах. Так, Т.И. Ломакина отмечает, что в мордовских сёлах Пензенской области без специального исследования бывает сложно определить, к какому языку относится тот или иной говор: эрзянскому или мокшанскому [9]. О.Е. По-

ляков относит интересующий нас тешнярьский говор к смешанным, мокшанско-эрзянским, наряду с говорами сёл Вышелей Городищенского и Пылково Лопатинского районов Пензенской области [12].

Особенности местных говоров, как правило, находят отражение в соответствующей топонимии; кроме того, географические названия зачастую сохраняют в себе такие особенности говора, которые в живой речи уже утрачены. Учитывая сказанное, предпримем попытку подойти к решению вопроса о принадлежности данного говора при помощи анализа бытующих в нём географических названий.

Значительное количество мордовских топонимов Пензенской области, в том числе и гидроним Тешнярь, рассмотрено в работе М.С. Полубоярова [11, с. 183]. История и этнография пензенской мордовы, её современное состояние отражено в монографии учёных Пензенского университета [10], там же разобраны некоторые топонимы. В настоящее время исследования мордовы региона продолжаются [4].

Мокшане и эрзяне в Пензенской области расселены чересполосно и взаимопроникновение фонетических, морфологических и лексических элементов в их говорах здесь не редкость, что подтверждается не только материалами тешнярьского говора, но и говоров соседних сёл, например, Ёга (эрзянского) и Пичилейка (мокшанского) Сосновоборского района Пензенской области.

Краткая характеристика некоторых особенностей тешнярьского говора

По аналогии с выделяемыми Г.И. Ермушкиным укающее-икающими говорами в эрзянских диалектах [7], тешнярьский говор можно определить как укающее-ыкающий. В качестве примеров, можно привести следующие лексемы тешнярьского говора, в сравнении с литературно-письменными вариантами и формами в других эрзянских говорах: *укишыр* – ‘клён’, вместо *укишторо*; *нумыл* – ‘заяц’ вместо *нумоло*; *песык* вместо *песок* – форма устоявшегося во многих эрзянских говорах заимствования из русского языка; *хтыма* вместо

втомо – аффикс лишительного падежа в эрзянском языке; *васуло* – ‘далеко’, вместо *васоло*; *тузеро* – ‘пшеница’, вместо *товзеро*.

Особо подчёркнём, что речь здесь не идёт о редукции гласных, что, вообще говоря, не редкость в эрзянских говорах, испытавших мокшанское влияние. В приведённых выше примерах гласный [ы] ударный, в сильной позиции.

Одной из ярких черт говора является замена согласных [в/ф/й] в консонантных сочетаниях на [х]: *охта* вместо *овто* – ‘медведь’; *техтерь* вместо *тейтерь* – ‘девушка’.

Совокупность рассмотренных выше особенностей тешнярьского говора привела к сложению в нём своеобразной формы лишительного суффикса: в отличие от литературно-письменных мокшанского *фтома* и эрзянского *втомо*, здесь он имеет форму *хтыма*. Например: *судохтыма*, то есть ‘безносые’ – прозвище жителей села Карауловка, согласно местному историческому преданию, бывших каторжников, которых в XVIII в. наказывали отрезанием носов.

Ударение в рассматриваемом говоре сложное, вследствие чего все гласные произносятся чётко, в сильной позиции, при этом, переходя на русский язык, носители говора продолжают ставить дополнительное ударение в конце слова.

К мокшанскому влиянию в данном говоре можно отнести такие фонетические явления, как смягчение аффрикаты [Ч], в эрзянских говорах являющейся твёрдой, и нерегулярное [а] вместо [о] в окончаниях слов: *тума* вместо *тумо* – ‘дуб’, *тува* вместо *туво* – ‘свинья’ и т.д.; также отмечается нерегулярная редукция гласных последнего слога. К мокшанизмам можно отнести лексемы, относительно которых сами информанты сообщают, что так говорили их бабушки (в настоящий момент у мордвы с. Тешнярь эрзянское самосознание, но часть их предков, действительно, судя по лингвистическим данным, была мокшанами): *шире* – ‘стол’, также *шире* – ‘сторона улицы’; *пине* – ‘собака’ (данная лексема является общемордовской, но в мокшанских говорах встречается значительно чаще, чем в эрзянских, где её в этом значении заменяет *киска*); *нарь* в топонимии вместо *нерь*, например, в титульном ойкониме. Кроме того, устаревшее

эйкаки – ‘ребёнок’ в Тешняре также считается мокшанским словом (в действительности это эрзянское слово), поскольку оно бытует в говорах окрестных мокшанских сёл, например, в Пичилейке. В тешнярьском говоре в этом значении распространена лексема *жаба*; в действительности и *жаба*, и *эйкаки* являются эрзянскими словами.

Материалы и методы

Материалы для настоящей работы собирались автором в течение полевого сезона 2022 г. в селе Тешнярь, а также в других мордовских населённых пунктах Сосновоборского района Пензенской области, данные говоров которых привлекаются в статье для сравнительного анализа: Вачелай, Ёга, Вязовка, Нижний Катмис и других. Также на протяжении 2015–2023 гг. проводились исследования топонимии и топонимной лексики других мокшанских и эрзянских говоров, бытующих на территории Пензенской, Самарской, Оренбургской и Ульяновской областей, результаты которых также были использованы при работе над настоящей статьёй.

Фиксация элементов топонимического пространства села Тешнярь осуществлялась на основе формы анкеты Г. М. Керта [4, с. 173], в соответствии с рекомендациями по работе с мордовской ономастикой А.П. Феоктистова [16]. Лексические особенности пензенской мордовы отмечены в различных работах О.Е. Полякова [12; 13].

При этимологии и сравнительном анализе географических названий мы опирались также на исследования в области топонимии и этимологии мордовских языков Д.В. Цыганкина [17], М.В. Мосина [18], Г.С. Ивановой [15].

Основными методами исследования явились: лексико-семантический, структурно-сопоставительный и контрастивный анализ.

Результаты и обсуждение

Ало ne 'Alo 'p'e Название низинной части села Тешнярь. Происходит от эрзя-мордовских лексем: *ало* ‘низменный’ + *не* ‘конец’ = *нижний конец*. Является одним из главных маркеров эрзянских топонимических пространств.

Боблевой Bobl‘evoj Название поля в окрестностях села Тешнярь. Информанты не объясняли его происхождение – вероятно, имеет прозвищную основу (вероятно, от заимствованного из русского языка бобыль).

Bere ne 'V'er'e p'e Название нагорной части села Тешнярь. В эрзянских топонимических пространствах часто составляет дуальную систему с топонимом *Ало ne*, как и в рассматриваемом случае. Название *Bere ne* происходит от эрзя-мордовских лексем: *вере* ‘вверху; сверху’ + *не* ‘конец’ = ‘верхний конец’.

Воловня Va'lavn'a Название урочища, происходит из русского языка, возникло в XX веке. На данном месте колхоз держал крупный рогатый скот.

Камчатка Kamč' atka Одна из улиц Тешняря, названная так вследствие своей отдалённости. Название-метафора.

Метъказ лисьма Mat“kaz 'lis'ma Название родника у села Тешнярь. В основе топонима эрзянская лексема *метъказ* ‘ящерица’, *лисъма* стандартное обозначение родников в эрзянских топонимических пространствах.

Мельница 'M'el'n'i'sä В настоящее время так называется родник. Происхождение названия информанты объясняли тем фактом, что раньше на реке Тешнярь была водяная мельница. Топоним является адаптацией русского слова *мельница* в тешнярьском говоре.

Мельница пандо пря 'M'el'n'i'sä 'panda pr'a Возвышенность у одноимённого родника. В буквальном переводе *пандо пря* означает ‘вершина горы’, но, в ряде мордовских говоров, оно имеет значение ‘гора, возвышенность’. Сравните, например: в старобинарадском говоре мокшанского языка: *пандо пря* ‘гора (вообще)’ [ПМА 3: Дудинская, Карамышева].

Овчарник Afč' 'arnik Название местности на окраине села, где раньше держали овец, происходит из русского языка.

Одарейка Uda'r'ejka Название одной из улиц в селе Тешнярь, в его основе лежат лексемы *од* – ‘новый’ и *эрый* – ‘житель’. Финаль *ка*, вероятно, возникла в процессе русификации названия.

Песык пандо пря 'P'esyk 'panda pr'a Название наиболее значительной из песчаных возвышенностей в окрестностях села Теш-

нарь. *Песык* – заимствование из русского языка в том же значении + *пандо пря* – устойчивое словосочетание для обозначения гор в тешнярьском говоре.

Петров пакся Petrou pak's'a Название одного из полей у села Тешнярь, ранее принадлежавшего помещикам Петровым. Название двусоставное: *Петров* – антропоним + общемордовское *пакся* – ‘поле’.

Пиче пандо пря 'Pič'e 'panda pr'a Название одной из возвышенностей у села Тешнярь. На её склонах произрастает сосновый бор, что и отразилось в названии: *пиче* – ‘сосна’ + *пандо пря* – ‘гора, возвышенность’.

Пой вирь угол Roj v'ir' 'ugol Название леса, в который жители села ездят за грибами. Топоним состоит из трёх лексем: эрзянской *пой* – ‘осина’, общемордовской *вирь* – ‘лес’ и заимствованной из русского языка *угол*. Последняя чаще всего встречается в эрзянских говорах в значениях ‘урочище’ или ‘окрестность’. Исходя из этого, можно предполагать, что изначально так назывался участок возле леса, а затем название было перенесено на весь лесной массив.

Полюбин пакся Pol'ub'in pak's'a Название одного из полей, ранее принадлежавшего помещикам Полюбиным. Позднее на этом месте располагался посёлок, в котором проживало несколько семей. Название двусоставное: *Полюбин* – антропоним, произносится с тем же ударением, что и в русском языке + общемордовское *пакся* ‘поле’.

Попонь луга 'Popan' lu'ga Название поля, которое раньше принадлежало священнику. *Попонь* – заимствование из русского языка *поп* с общемордовской аффиксацией принадлежности, *луга* – раннее и широко распространённое как в эрзянских, так и в мокшанских говорах заимствование из русского языка со значением ‘луг’.

Потма 'Potma Название урочища в лесу. Ранее там существовал одноимённый населённый пункт. В соседнем эрзянском селе Вачелай это же место называется Тянауровка. Данная лексема в географическом значении в настоящее время в тешнярьском говоре не бытует, сохраняясь лишь в устойчивом словосочетании *ведь потма* – ‘дно реки’. При этом характеристики, приводимые информантами при

описании урочища Потма, в целом, соответствуют спектру значений, которые приводят для объяснения данного термина в мордовской топонимии Д.В. Цыганкин: ‘глубокое место в лесу’, ‘глубинка’, ‘скрытое место в лесу’ [17].

Расейка Ra'sejka Название улицы в селе. Его происхождение информанты объяснить затруднились, указав лишь, что это маленькая улица, там красивые дома, а проживают люди по фамилии Федяшкины. По нашему мнению, в основе названия лежит сельское прозвище, на что указывает характерная аффиксация.

Рузава латко Ru'zava 'latko Название одного из оврагов в окрестностях села Тешнярь. Топоним является двусоставным: общемордовское *ruzava* – ‘русская женщина’ + *латко* – ‘овраг’. При объяснении топонима информанты привели две версии. Согласно первой, в данном овраге покончила жизнь самоубийством русская девушка, согласно второй, он получил своё название в честь русской женщины, которая долгое время управляла расположенным поблизости стеклозаводом. Вторая версия подтверждается исторически – стекольная фабрика у Тешняря была построена в 1835 г. русской купчихой Рассказовой из Пензы.

Стирьва латко 'St'ir'va 'latko Название оврага в окрестностях села. Информанты объясняют первую часть топонима *стирьва* как ‘пакость’, ‘падаль’ [ПМА 1: Очкина]. Когда-то давно в овраг свозили трупы погибших от болезней животных. Со временем это делать перестали, а затем и вовсе данная местность стала у сельчан любимым местом народных гуляний. Название представляет собой русско-эрзянский смешанный композит: *стирьва* – адаптированное заимствование из русского языка *стерва* ‘падаль, палая скотина’ + *латко* ‘овраг’.

Тешнярь T'eš“n‘är‘ В исследуемом топонимическом пространстве бытует два таких названия – гидроним и ойконим. Первичен потамоним. Его происхождение информантам неизвестно, по одной из местных версий, он восходит к эрзянской лексеме *teishite* ‘звезда’. Эта лексема имеет в тешнярьском говоре ещё одно значение: так называется дикорастущее ядовитое растение, поедая которое,

погибает скот. Из-за зарослей данного растения жителям пришлось переносить село на новое место, первоначально оно располагалось на противоположном, левом берегу реки Тешнярь, а теперь находится на правом. Нам, однако, представляется более вероятной иная этимология, от лексем *тюжся* ‘жёлтый’ + *нярь* ‘мыс’. В современном тешнярьском говоре последняя лексема произносится по-эрзянски *нерь*. Течение реки Тешнярь извилисто, по её берегам часто встречаются песчаные холмы светло-жёлтого цвета, поросшие сосновым лесом, далеко вдающиеся в русло. Некоторые из них весьма значительны.

Томбаль Tom'bal' Название урочища в окрестностях села Тешнярь, информанты давали ему такую характеристику: «Это место такое, тут недалеко, через речку. Там топили коноплю (вымачивали – Н.Б.)» [ПМА 1: Очкин, Очкина]. Подобное название часто встречается в окрестностях эрзянских сёл. Чаще всего его значение – Заречье. В Тешняре также бытует мнение, что название этого места может происходить от того факта, что раньше там вымачивали конопляные стебли для получения пряжи. По-видимому, в основе народной этимологии лежит общемордовское *томбамс* – ‘толочь, мять’ (после вымачивания коноплю минут). Однако значительный аналогичный материал по эрзянским топонимическим пространствам свидетельствует в пользу первой версии. Показателен пример из окрестностей села Александровка: Томбаль – название полей, расположенных по другую (от села) сторону железной дороги [ПМА 2: Крымкин, Михайлова]. Также Д.В. Цыганкин приводит значение для лексемы в ряде эрзянских говоров *томбаль* – ‘даль, дальняя сторона’ (оно также встречается в говорах эрзи Новомалыклинского района Ульяновской области). С урочищем Томбаль в Тешняре связано одно предание (информанты рассказывали его, как быль). Согласно ему, вода одного из местных родников опасна для здоровья, если её выпить в жаркий день, если же при этом ещё и заснуть, то можно не проснуться [ПМА 1: Очкин]. Прослеживаются параллели с местным топонимическим преданием о названии реки Тешнярь: левый берег реки в местном фольклоре ассоциируется с отравлением.

Узявка *Uz'avka* Название ручья, притока реки Тешнярь. Другая, параллельно бытующая форма названия – Узявне. В данных вариациях *-ne* и *-ke* – различные аффиксы уменьшительности в эрзянском языке, также нельзя исключать, что форма Узявка – результат русификации топонима. Учитывая характеристики местности, в которой данный ручей впадает в реку Тешнярь, делая значительную петлю и фактически создавая вытянутый полуостров с узким перешейком, для этимологии названия предложим эрзянскую географическую лексему *усия* ‘остров’, ‘залив’. Тогда основа *узяв* = *усия* + аффикс прилагательного *в* – ‘островной, заливной’ (ручей).

Часовня *Č'a'sovn'a* Название родника в окрестностях села. Вода в нём считается хорошей, особенно интенсивно использовали данный родник во время работы стекольного завода. Название происходит из русского языка, видимо, когда-то при роднике была часовня (возможно, просто сруб с иконой). Такие названия нередки в эрзянской топонимии: сравните, родник Часовня лисьма в окрестностях села Нижние Кузлы Пономарёвского района Оренбургской области.

Шамухань пакся *Šamu'han' pak's'a* Название одного из тешнярских полей. Информанты подчёркивали, что первая часть названия – немордовская, от фамилии или прозвища русского помещика, которому данное поле некогда принадлежало. Итак, в составе первой части топонима выделяется антропоним *Шамуха* + *нь* – общемордовский аффикс принадлежности; значение названия – ‘поле, принадлежавшее Шамухе’.

Широковка *Syra'kofka* Название одной из улиц в Тешняре. Происходит из русского языка, по объяснениям информантов: «Широковка – потому что широкая» [ПМА 1: Акимова, Очкин] (нельзя исключать и отантропонимное происхождение, от фамилии Широков).

Топонимическое пространство села Тешнярь по своим основным характеристикам находится ближе к эрзянским топонимическим пространствам, чем к мокшанским. К такому выводу приводит не только наличие в составе его географических названий исключительно эрзянской и общемордовской географической лексики, но и фиксация в нём типично эрзянских топонимных черт. Первое заме-

чание важно рассматривать именно в комплексе, поскольку в условиях типичной для Сосновоборского района мокшанско-эрзянской чересполосицы в ряд мокшанских говоров проникли эрзянские географические элементы и наоборот. Например, в мокшанском говоре села Пичилейка для обозначения оврагов бытует эрзянский географический термин *латко* вместо мокшанского *лотка*, что нашло отражение и в местной топонимии. В тешнярьском говоре, помимо общемордовских, встречаются только эрзянские географические термины: *латко* – ‘овраг’, *лей* – ‘река’, *лейне* – ‘ручей’, *лисьма* – ‘колодец’, *лисьмапря* – ‘родник’, *калмазырь* – ‘родовое место на кладбище’, *куринка* – ‘улица’, *чире* – ‘берег’.

В топонимии села Тешнярь присутствуют эрзянские черты: дудальная урбонимная система *Ало ne – Вере ne*, отмечены типичные для эрзянских сёл в целом географические названия *Попонь луга* и *Томбаль*, эрзянские лексемы в составе географических названий: *пой* – ‘осина’ (в мокшанском языке *пою*), *метьказ* ‘ящерица’ (*нетьказ*). Приведённые выше топонимные единицы села Тешнярь и его окрестностей, могут встречаться как в эрзянских, так и в мокшанских топонимических пространствах. Однако, частотность такой встречаемости в эрзянских топонимических пространствах на порядок выше. Так, Д.В. Цыганкин приводит в своей работе по топонимии Республики Мордовия три топонима *Попонь луга* – все они бытуют в окрестностях эрзянских сёл [17: 283]. Согласно нашим полевым исследованиям в мордовских сёлах Самарской области, в мокшанских топонимических пространствах подобные географические названия не фиксируются, при этом они отмечаются в эрзянских топонимических пространствах: в частности, у клявлинской и похвишневской эрзи, также один раз название фиксируется в форме *Pop луга*, между сёлами Ерзовка и Передовка, русско-эрзянским и эрзянским. Что касается топонима *Томбаль* и его вариаций: в мокшанских сёлах Самарского Поволжья подобные названия нами не отмечены [3], для эрзянских сёл региона топонимы *Томбаль* и *Томбалькс* типичны [1; 2]. Выборка по работе Д.В. Цыганкина дала следующие результаты: всего топонимов *Томбаль(кс)* на террито-

рии Мордовии учёным отмечено 18 единиц, из них 15 относятся к топонимическим пространствам эрзянских сёл (84%), 3 – мокшанских (16%). В данном случае показателен именно комплекс подобных названий: если вероятная встречаемость каждого из них по отдельности в мокшанских сёлах достаточно мала, то встречаемость в комплексе – практически нереальна. В то же время необходимо отметить, что топоним *Потма* значительно чаще встречается в мокшанских топонимических пространствах, чем в эрзянских, где, кроме того, он имеет форму *Потмо* [17, с. 285].

Одной из особенностей топонимии села является отантропонимное происхождение названий всех окружающих его полей, по фамилиям и прозвищам местных помещиков, владевших ими ранее. Субстратного топонимного слоя не выявлено, вся топонимическая номенклатура происходит из мордовских и русского языков, причём большинство топонимов, содержащих в составе русские лексемы, возникло в XX в. Надо отметить отсутствие в данном говоре заимствований из тюркских языков, как в топонимии, так и в географической лексике, что, в условиях длительного соседства с татарско-мишарскими сёлами [14] требует дополнительного анализа.

Наибольшую близость исследованное топонимическое пространство демонстрирует с топонимией сёл Ёга (эрзя) и Пичилейка (мокша), население которых исторически и в настоящее время активно взаимодействует между собой, что привело к взаимопроникновению в соответствующих говорах географической лексики и ряда топонимических универсалий. В других мордовских сёлах района – например, в Вачелае (эрзя) и Нижнем Катмисе (мокша) этноязыковые дифференцирующие признаки более выражены, в том числе, в топонимии.

Заключение

Проведённое исследование топонимии села Тешнярь и его окрестностей подтвердило характеристику, данную тешнярьскому говору О.Е. Поляковым [12], то есть, данный говор демонстрирует смешанные черты. В настоящее время этот говор по своим основ-

ным чертам ближе к эрзянскому языку, при этом отмечается бытование в нём некоторых мокшанских элементов – главным образом, в фонетике и в лексике. Можно полагать, что ранее таких элементов в исследуемом говоре было больше, но с течением времени они вытесняются и поглощаются эрзянским языком. На подобные явления в смешанных мокшанско-эрзянских сёлах указывал И.Г. Черапкин [19], а языковую ситуацию, схожую с наблюдаемой сегодня в селе Тешнярь, застал в начале XX века М.Е. Евсеевьев в мордовских сёлах северо-востока Самарской области. Он отмечал, в частности, мокшанские языковые элементы в говоре села Сенькино [6], который ныне по всем характеристикам является эрзянским.

Немаловажным фактом является также эрзянская самоидентификация жителей села Тешнярь и самоопределение собственного говора как эрзянского.

Список литературы

1. Беленов, Н. В. (2021). Географическая лексика и топонимия старошенталинского говора эрзя-мордовского языка. *Вестник Новосибирского государственного университета*, 1, с. 67–80.
2. Беленов, Н. В. (2021). Географическая лексика клявлинского говора эрзя-мордовского языка. *Филологические науки. Научные доклады высшей школы*, 1, с. 28–35.
3. Беленов, Н. В. (2020). Топонимическое пространство мокша-мордовского села Благодаровка Борского района Самарской области. *Этническая культура*, 1, с. 14–20.
4. Гагарина, Н. Е., Артамошкина, А. Д., & Кошелева, А. И. (2020). Пензенская мордва: эрзя и мокша как этнографическая группа. *Вестник Пензенского государственного университета*, 1, с. 3–8.
5. Евсеевьев, М. Е. (1966). Братчины и другие религиозные обряды мордвы Пензенской губернии. В *Избранные труды* (Т. 5, с. 342–384). Саранск: Мордовское книжное издательство.
6. Евсеевьев, М. Е. (1914). *Отчет о командировке в Самарскую и Казанскую губернии для изучения говоров мордовского языка*. Казань: [б/и], 17 л.

7. Ермушкин, Г. И. (1984). *Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам: (эрзя-мордовский язык)*. Москва: Наука, 141 с.
8. Керт, Г. М. (2009). *Саамская топонимная лексика*. Петрозаводск: Карельский НЦ РАН, 179 с.
9. Ломакина, Т. И. (1964). Городищенский диалект мокша-мордовского языка (краткий фонетический очерк). В *Очерки мордовских диалектов* (Т. IV, с. 289–330). Саранск: Мордовское книжное издательство.
10. Первушкин, В. И., & Прошкин, В. Я. (2010). *Мордва Пензенской области*. Пенза: [б/и], 124 с.
11. Полубояров, М. С. (2010). *Древности Пензенского края в зеркале топонимики*. Москва: ФОН, 224 с.
12. Поляков, О. Е. (1987). О языковых особенностях мордвы Пензенской области. В *Устно-поэтическое творчество мордовского народа* (Т. XI, с. 17–18). Саранск: Мордовское книжное издательство.
13. Поляков, О. Е. (2005). Языковые особенности мордвы, проживающей за пределами Республики Мордовия. В *Этнокультурные процессы в мордовской диаспоре* (с. 130–134). Саранск: НИИГН при правительстве РМ.
14. Поляков, О. Е., & Леткина, Н. В. (2022). Тюркский компонент в топонимической лексике мордовских языков. *Вестник угрovedения*, 3, с. 506–513.
15. Поляков, О. Е., Леткина, Н. В., & Иванова, Г. С. (2019). Топонимы мордовского происхождения в «Историческом словаре топонимов Симбирской губернии» (1859–1913 гг.). *Вестник угрovedения*, 9(4), с. 702–709.
16. Феоктистов, А. П. (1964). Проект программы по изучению мордовской ономастики. В *Вопросы финно-угорского языкоznания* (с. 213–220). Москва: Наука.
17. Цыганкин, Д. В. (2005). *Память, запечатлённая в слове: словарь географических названий Республики Мордовия*. Саранск: Красный Октябрь, 432 с.
18. Цыганкин, Д. В., & Мосин, М. В. (2015). *Этимологиянь валкс*. Саранск: Изд-во Мордовского ун-та, 224 с.

19. Черапкин, И. Г. (1930). Диалекты мордвы-мокши б. Пензенской губернии. В *Мордовский сборник* (с. 19–33). Саратов: Правление СГУ.
20. Harva, U. (1952). *Die religiösen Vorstellungen der Mordwinen*. Helsinki, 456 s.
21. Heikel, A. O. (1896). *Mordvalaisten pukuja ja kuoseja*. Helsingissä: Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Kirjapainon Osakeyhtiö, 43 s.
22. Paasonen, H. (1953). *Mordwinische Chrestomathie mit Glossar und grammatischem Abriss*. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 155 p.
23. Paasonen, H. (1903). *Mordwinische Lautlehre* (MSFOu XXII). Helsingfors: Societe Finno-Ougrienne, 123 p.
24. Paasonen, H. (1990–1996). *Mordwinische Wörterbuch* (Vols. 1–4). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura. Vol. 1 (1990), 557 p. Vol. 2 (1992), 558–1305 p. Vol. 3 (1994), 1306–1927 p. Vol. 4 (1996), 1927–2703 p.

Полевые материалы автора

ПМА 1 – Полевые материалы автора. Экспедиция в с. Тешнярь Сосновоборский р-н Пензенской обл. Июнь 2022 г. (информанты: Е. Ф. Очкина, 1967 г. р.; А. Очкин, 1966 г.р.; С.А. Акимова 1974 г.р.).

ПМА 2 – Полевые материалы автора. Экспедиция в с. Александровка Новомалыклинский р-н Ульяновской обл. Апрель 2023 г. (информанты: Л. Михайлова, 1966 г.р., А.И. Крымкин, 1946 г.р.).

ПМА 3 – Полевые материалы автора. Экспедиция в с. Старая Бинарадка Красноярский р-н Самарской обл. Апрель 2019 г. (информанты: Л. И. Дудинская, 1960 г. р.; Л. Н. Карамышева, 1968 г.р.).

References

1. Belenov, N. V. (2021). Geographical vocabulary and toponymy of the Staroshentalinsky dialect of the Erzya-Mordovian language. *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo Universiteta*, 1, 67–80.
2. Belenov, N. V. (2021). Geographical vocabulary of the Klyavlinsky dialect of the Erzya-Mordovian language. *Filologicheskie Nauki. Nauchnye Doklady Vysshey Shkoly*, 1, 28–35.
3. Belenov, N. V. (2020). Toponymic space of the Moksha-Mordovian village of Blagodarovka, Borsky District, Samara Region. *Etnicheskaya Kultura*, 1, 14–20.

4. Gagarina, N. E., Artamoshkina, A. D., & Kosheleva, A. I. (2020). Penza Mordvins: Erzya and Moksha as an ethnographic group. *Vestnik Penzenskogo Gosudarstvennogo Universiteta*, 1, 3–8.
5. Evseeviev, M. E. (1966). Brotherhood feasts and other religious rites of the Mordvins of Penza Province. In *Selected Works* (Vol. 5, pp. 342–384). Saransk: Mordovian Book Publishing House.
6. Evseeviev, M. E. (1914). *Report on a business trip to Samara and Kazan Provinces to study the dialects of the Mordovian language*. Kazan: [n.p.], 17 l.
7. Ermushkin, G. I. (1984). *Areal studies on Eastern Finno-Ugric languages: (Erzya-Mordovian language)*. Moscow: Nauka, 141 p.
8. Kert, G. M. (2009). *Saami toponymic vocabulary*. Petrozavodsk: Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, 179 p.
9. Lomakina, T. I. (1964). Gorodishchensky dialect of the Moksha-Mordovian language (brief phonetic sketch). In *Essays on Mordovian Dialects* (Vol. 4, pp. 289–330). Saransk: Mordovian Book Publishing House.
10. Pervushkin, V. I., & Proshkin, V. Ya. (2010). *Mordvins of Penza Region*. Penza: [n.p.], 124 p.
11. Poluboyarov, M. S. (2010). *Antiquities of Penza Region in the mirror of toponymics*. Moscow: FON, 224 p.
12. Polyakov, O. E. (1987). On linguistic features of the Mordvins in Penza Province. In *Oral and Poetic Creativity of the Mordovian People* (Vol. 11, pp. 17–18). Saransk: Mordovian Book Publishing House.
13. Polyakov, O. E. (2005). Linguistic features of Mordvins living outside the Republic of Mordovia. In *Ethnocultural Processes in the Mordovian Diaspora* (pp. 130–134). Saransk: Research Institute of Humanities under the Government of the Republic of Mordovia.
14. Polyakov, O. E., & Letkina, N. V. (2022). Turkic component in the toponymic lexicon of Mordovian languages. *Vestnik Ugrovedeniya*, 3, 506–513.
15. Polyakov, O. E., Letkina, N. V., & Ivanova, G. S. (2019). Toponyms of Mordovian origin in the *Historical Dictionary of Toponyms of Simbirsk Province* (1859–1913). *Vestnik Ugrovedeniya*, 9(4), 702–709.
16. Feoktistov, A. P. (1964). Draft program for the study of Mordovian onomastics. In *Issues of Finno-Ugric Linguistics* (pp. 213–220). Moscow: Nauka.

-
17. Tsygankin, D. V. (2005). *Memory imprinted in words: Dictionary of geographical names of the Republic of Mordovia*. Saransk: Krasnyy Oktyabr, 432 p.
 18. Tsygankin, D. V., & Mosin, M. V. (2015). *Etimologiyān'valks* [Etymological dictionary]. Saransk: Mordovian State University Press, 224 p.
 19. Cherapkin, I. G. (1930). Dialects of the Moksha Mordvins of former Penza Province. In *Mordovian Collection* (pp. 19–33). Saratov: Saratov State University Administration.
 20. Harva, U. (1952). *Die religiösen Vorstellungen der Mordwinen* [The religious beliefs of the Mordvins]. Helsinki, 456 p.
 21. Heikel, A. O. (1896). *Mordvalaisten pukuja ja kuoseja* [Mordvinian costumes and patterns]. Helsingissä: Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Kirjapainon Osakeyhtiö, 43 p.
 22. Paasonen, H. (1953). *Mordwinische Chrestomathie mit Glossar und grammatischem Abriss* [Mordvinian chrestomathy with glossary and grammatical outline]. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 155 p.
 23. Paasonen, H. (1903). *Mordwinische Lautlehre* [Mordvinian phonetics] (MSFOu XXII). Helsingfors: Societe Finno-Ougrienne, 123 p.
 24. Paasonen, H. (1990–1996). *Mordwinische Wörterbuch* [Mordvinian dictionary] (Vols. 1–4). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura. Vol. 1 (1990), 557 p. Vol. 2 (1992), 558–1305 p. Vol. 3 (1994), 1306–1927 p. Vol. 4 (1996), 1927–2703 p.

Field materials of the author

Field materials of the author – *Jekspedicija v s. Teshnjar' Sosnovoborskij r-n Penzenskoj obl. Ijun' 2022 g. Informant: E. F. Ochkina, 1967 g. r.; A. Ochkin, 1966 g.r.; S.A. Akimova 1974 g.r.* [Expedition to the Teshnjar settlement, Sosnovoborsky District, Penza Oblast, June 2022. Informant: E. F. Ochkina, 1967 year of birth, A. Ochkin, 1966 year of birth, S.A. Akimova, 1974 year of birth].

Field materials of the author – *Jekspedicija v s. Aleksandrovka Novomalyklinskij r-n Ul'janovskoj obl. Aprel' 2023 g. (informanty: L. Mihajlova, 1966 g.r., A.I. Krymkin, 1946 g.r.* [Expedition to the Aleksandrovka settlement, Novomalyklinsky District, Ulyanovsk Oblast, April 2023. Informant: L. Mihajlova, 1966 year of birth, A.I. Krymkin, 1946 year of birth].

Field materials of the author – *Ekspeditsiya v s. Staraja Binaradka Krasnojarskogo rayona Samarskoy obl., Aprel' 2019 g. Informant: L. I. Dudinskaya, 1960 g. r., L. N. Karamysheva, 1968 g. r.* [Expedition to the Staraja Binaradka settlement, Krasnoyarsky District, Samara Oblast, April 2019. Informant: L. I. Dudinskaya, 1960 year of birth, L. N. Karamysheva, 1968 year of birth].

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Беленов Николай Валерьевич, кандидат педагогических наук,
доцент кафедры информационно-коммуникационных технологий в образовании
Самарский государственный социально-педагогический университет
ул. М. Горького, 65/67, г. Самара, 443099, Российская Федерация
belenov82@gmail.com

DATA ABOUT THE AUTHOR

Nikolay V. Belenov, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Information and Communication Technologies in Education
Samara State Social and Pedagogical University
65/67, M. Gorky Str., Samara, 443099, Russian Federation
belenov82@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4415-5966>

Поступила 02.10.2025

Received 02.10.2025

После рецензирования 11.10.2025

Revised 11.10.2025

Принята 29.10.2025

Accepted 29.10.2025